

АКАДЕМИК М. ГРУШЕВСКИЙ

Історія української літератури, т. VI, ч. 1-2, стор. 970

В послесловии ко второй части своей обширной работы автор ее следующим образом объясняет ее происхождение и формулирует основную идею своего труда (стор. 967 і далі):

“Ця книга спочатку уявлялась мені, як перша частина VI-го тому, що мав би сягати в XVIII вік. В процесі роботи – а робота тривала довго, чотири роки (з перервами) закруглялася ця книга під моїми руками в окремий том – не тільки тому, що виросла розмірами, а й тому, що ясніше ніж перед тим виступило перед моїми очима переломове значення цього моменту... кінець революційної ролі православної церкви і поворот її на становище офіційної урядо-послушної установи, позбавленої тих елементів громадськості, що вона набула в першій своїй активізації, ув’язуючись з різними опозиційними громадськими елементами”.

Этот период церковной активизации – который автором относится к 20-м годам XVI века и длится до 20-х, примерно, годов XVII-го века – бросил, по его словам, ретроспективно свет на более раннюю пору и создал распространенную в украинской (буржуазной. – А. Б.) литературе теорию исконной общественности, демократизма, выборности православной украинской церкви, которые будто бы были только придушены панским режимом литовско-польской эпохи – реставрировались в XVI – XVII веках и остались характерными признаками ее и в дальнейшем. Эта теория поддерживалась и проводилась церковниками, мечтавшими о возрождении церковной автономии, народниками “просвітянами”, мечтавшими “демократизованную” и “автономизованную” украинскую церковь сделать средством активизации народных масс. Особенно ясно такой подход выступал у Драгоманова; документальные обоснования этой теории взял на себя Ор. Левицкий.

Опровергая эту “теорию” еще в прежних своих работах, автор показывает на основании данных литературы, какую непрочно и недолго явилась на самом деле эта церковная “активизация”, вызванная вторжением городского мещанства XVI-го века в церковную жизнь. С начала XVII-го века, после упадка городского мещанства в Западной Украине церковники меняют ориентацию – стремясь завязать тесные связи с козачеством, в ту пору игравшим в известной мере роль революционного начала. Однако, в среде самих церковников нет единства: значительная часть их стремится к тому, чтобы, добившись компромисса с властью, отгородить церковную сферу от всяких посягательств “мирских людей” – козачества, мещанства и даже шляхты. Возникает борьба между “радикальными” и склонными к компромиссу группами: но радикальные течения не успели оформиться – в то время, как проницательный молдавско-польско-украинский магнат (Петр Могила), пользуясь удобным моментом, сумел соединить свои магнатские связи с каноническим православным ригоризмом, и заняв место официального руководителя украинской церкви – подавил в ней радикальные и оппозиционные течения и возвратил украинскую церковную жизнь в то иерархически-монархическое русло, из которого она вышла.

Таковые основные мысли VI-го тома “Історії української літератури”, обнимающего сравнительно короткий промежуток времени, преимущественно 20-ые и 30-ые годы XVII-го столетия. Давая в начале историческое введение с характеристикой упадка мещанского движения в Западной Украине в начале XVII-го века и вызванного им передвижения культурно-национального центра на Восток (на Киевщину), автор – в дальнейших главах анализирует литературную продукцию Захарії Копистинського, останавливается на стихотворстве Лаврского кружка – виршах Памвы Берынды, Тарасия Земки Митуры, дает характеристику братских школ, их учебных программ, их литературы; следит за оживлением “исторической, национальной и государственной традиции”, выразившейся в попытках связать козачество с историческими преданиями Киевской княжеской Руси-Украины, останавливается, продолжая сказанное в V-ом томе на новых фактах церковной полемики (новый этап деятельности Мелетия Смотрицького) переходит затем к характеристике писаний, вызванных колебаниями в среде киевских церковников – то ищущих поддержки у русского царя и московского патриарха, то стремящихся к компромиссу с польской государственной и церковной властью. Показав, как, параллельно с этим процессом, пытается заявить свои требование более “радикальное течение” (Мужилковский, Зизаний) – он заключает сове изложение выступлением Петра Могилы, обзором его ранних писаний и литературных произведений,

вызванных его триумфом над противниками – панегирических виршей 30-х годов, выходящих из среды деятелей основанной Петром Могилою Лаврской Киевской школы – будущей Киевской коллегии – будущей Киево-Могилянской Академии.

Для читателя, знакомого с предыдущими произведениями академика М. Грушевского – его “Історією України-Русі”, т. VI и VI популярной книгой о культурно-национальном движении на Украине конца XVI – нач. XVII-го века и др., VI-ой том “Історії української літератури” не явится совершенно новостью: в нем только уточнены и широко аргументированы мысли, в свое время шедшие в разрез не только с упомянутыми выше теориями Драгоманова и Ор. Левицкого – но и всей русско-украинской церковной историографией XIX-го века. Равным образом для специалиста-литературоведа, знакомого с трудами Завитневича, Щегловой, Засадковича, Голубева, Макария, Отроковского, Перетца и многих других, издававших и комментировавших литературные памятники данной поры или исследовавших отдельные моменты рассматриваемого в книге процесса – VI-ой том не дает каких-либо откровений по части неизвестных прежде или неизданных памятников, совершенно новых фактов и т. д. Правда, надобно сразу указать, что изложения фактов в такой системе и с такой обстоятельностью, какую дает VI-ой том М. Грушевского, украинская литературная историография вообще никогда не знала. Что касается последнего из указанных качеств – то вообще найдется весьма немного историко-литературных обзоров – и на других языках – которые могли бы быть сопоставлены с работой М. Грушевского. Книга представляет не только обзор фактов, их анализ, оценку – с точки зрения исторической ценности и литературных достоинств, но и подробное изложение содержание всех изучаемых в ней памятников, с обширными, занимающими по несколько страниц выписками из них – иногда в подлиннике, чаще в переводе на современный украинский язык. Таким образом, VI-ой том (как и предыдущие томы “Історії української літератури”) – является соединением историко-литературного курса с обширной хрестоматией памятников, напечатанных в специальных, в настоящее время трудно добываемых изданиях – типа “Актов, относящихся к истории Западной России”, “Памятников полемической литературы” – а иногда и сохранившихся только в оригинальных старопечатных изданиях. В русской литературе нечто подобное – только в весьма сокращенном масштабе, представляет “Курс русской литературы” В. А. Келтуялы, отличающийся от работы акад. М. Грушевского тем, что Келтуяла не был самостоятельным исследователем и только популяризовал чужие труды, иногда по-своему комбинируя и освещая их результаты: акад. М. Грушевский, пользуясь трудами специалистов, знает все их источники и, располагая сам колоссальным знанием сырого материала, может легко проверить правильность их выводов, сделать к ним в иных случаях поправки. В западной литературе известную аналогию к работе М. Грушевского представлял бы немецкий “Grundriss” Гедеке или французская “Histoire litteraire de France” или же известная “кембриджская” история английской литературы: но у Гедеке элемент исследования отступает на второй план перед элементом описания – а две другие названные многотомные книги явились плодом коллективного составления – между тем, как свой труд акад. М. Грушевский выполнял единолично.

Здесь не место ни характеристике исторических и историко-литературных воззрений акад. М. Грушевского, ни полемике с ним по ряду отдельных вопросов. Автор является, конечно, крупнейшей фигурой буржуазного украинского литературоведения – фигурой, вполне определившейся и законченной. Необходимо отметить, что в рецензируемом томе, по своему

типу соответствующем ранее вышедшим томам, несравненно реже, чем в предыдущих, мы встретим места, которые резко расходились бы с нашим пониманием исторического процесса и процесса литературного. В этом отношении он отличается, например, от охватывающего тот же материал (и последующие десятилетия) 2-го тома “Історії української літератури” Михайла Возняка 1921 р.

Можно, конечно, усумниться в правильности, например, определения козачества как “спеціального, західноєвропейській схемі незвісного, нашими спеціальними колонізаційними обставинами створеного воєнного класа” – но в дальнейшем неоднократно говорится и о том, что единого класса козачество не составляло, что в нем “ферментували різні соціальні і ідеологічні елементи”. Впрочем, разобраться в подобных утверждениях автора дело историка более, чем литературоведа. Литературовед с интересом прочитает книгу, которая с большим искусством извлекает живые элементы из памятников, до сих пор мертвым пластом лежавших в архивах истории литературы. Автор правильно, на наш взгляд, характеризует их значение именно для истории литературы, устанавливая границы “эстетического подхода” (стр. 45-46) и указывая, что “естетика і формальні літературні прикмети не одинокий критерій літературного значення твору: емоція і вплив на уяву досягається часом і іншими засобами, і не раз в історії літературно-формально-невисокі твори мають більше значення з цього становища емоціального впливу, ніж різні естетичні пустоцвіті”. Сам он, оценивая памятники полемической, публицистической, виршевой литературы XVII века со стороны их историко-культурного значения, вместе с этим всегда дает и характеристику их литературной специфики – сплошь да рядом до него никем не сделанную. В итоге получается чрезвычайно живая и запоминающаяся картина литературно-идейной борьбы нач. XVII-го века, а вместе с этим и изображение усилий художественного живого слова выбраться из-под толстой коры, в которой держит его все еще полновластная – основная форма идеологии – религия.

Книга акад. М. Грушевского – является одним из памятников того “культурного наследия” старого мира, которое мы должны изучить и критически освоить. Содержание именно данной книги – помимо своей научной ценности – может пригодиться и в нашей борьбе со всевозможными националистическими фальсификациями историко-литературного процесса. Для читателя-педагога, для читателя, готовящегося к научной, исследовательской и педагогической работе – книга эта может оказаться высоко полезной в деле овладения фактическим материалом т. н. “древней” украинской литературы. Полагаю, что издание ее было весьма желательным – так же, как опубликование ее продолжения, доводящего историю украинской литературы до последних десятилетий XVIII-го века.

А. Белецкий